

НАША СТРАНА**НАША СТРАНА**

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
 Casilla de Correo 2847
 Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAÍS"
 SEMANARIO MONARQUICO RUSO
 Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 523.142

Correo
Central B.
Argentino

FRANQUEO PAGADO
 Concesión № 3930
INTERES GENERAL
 Concesión № 4233

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 15 de Noviembre de 1956 ● Буэнос Айрес, четверг, 15 ноября 1956 года № 356

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

44. АНТИСОВЕТСКИЕ И АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПОЛЬШЕ И ВЕНГРИИ НАНЕСЛИ ЖЕСТОКИЙ УДАР ПРЕСТИЖУ ХРУЩЕВА И ВСЕМУ СОВЕТСКОМУ РЕЖИМУ И ЕГО ДИПЛОМАТИИ. СМЕРТЬ ПАЛАЧА ВЕРЮЩИХ И. В. ПОЛЯНСКОГО

Последние недели октября ознаменовались резкими выступлениями против советского ига в Польше и в Венгрии. Не буду пересказывать ход событий, известный читателям из ежедневной печати, ни разбирать изменения в этих странах, носящие внутренний характер, а только проанализирую их с точки зрения борьбы за освобождение нашего русского народа.

Первый сигнал к борьбе подал наш народ и это не надо нам забывать. Если бы грозное брожение в России, о размерах которого в Кремле знают много больше, чем это знаем мы, не заставило сталинских последышей на 20-м съезде подрывать авторитет Сталина, то сейчас никто в Польше не посмел бы требовать возвращения к власти Гомулки, а в Венгрии Наги, обявленных по его приказу врагами народа и томившихся в тюрьмах. С другой стороны, неспособность сталинских питомцев говориться между собой привела к ликвидации Берия и его наиболее искусных опричников: Меркулова, Абакумова, Кобулова, Багирова, на которых держался страх перед режимом, а выступления Микояна, Маленкова, Суслова против памяти Сталина, имевшие целью не допустить личной диктатуры Хрущева или дуумвирата Хрущев-Булганин вынудили Хрущева пойти на необдуманный скорострельный секретный доклад, нанесший удар не сошедшем в преисподнюю Сталину, Берии или Ежову, но со временем сов. правительству и всей кремлевской шайке, включая самого докладчика. С Тито пришлось разговаривать, как с союзником, а не как с вассалом; по его требованию пришлось удалить от власти самых верных сталинских волков в странах-сателлитах, как Вылко Червенкова в Болгарии и Ракоши в Венгрии, что поколебало страх перед свирепостью советских ставленников и в то же время ничем не приостановило процесса разорения коммунистами подвластных им народов. Первым результатом явилось Познанское восстание, на которое правительство Цыранекевича реагировало показательными процессами, превратившимися из суда над подсудимыми в суд над коммунистическим режимом. Трусливые судьи, помня, как теперь в СССР казнили тех, кто расстреливал врагов Сталина, вынесли смертно-мягкие приговоры. Народ в Польше осмелел и стал требовать возвращения к власти Владислава Гомулки — героя партизанской борьбы против немцев и сторонника коммунистического режима, независимого от СССР. По требованию Тито Микоян поехал в Венгрию смешать Ракоши, рассчитывая тем поднять популярность режима, но это тоже вызвало только более открытые и опасные выступления с требованиями вернуть к власти Наги именно потому, что он имел репутацию своего рода мадьярского Тито, и даже был арестован за неповиновение СССР и противодействие коллективизации, ненавистной венгерскому крестьянству.

Напуганные возможностью открытых выступлений против режима польские правители пошли на возвращение Гомулки в состав ЦК. Но эта уступка не помогла, а наоборот усилила требования недовольных. Гомулка, вернувшись в ЦК с несколькими своими сторон-

никами, выпущенными недавно из тюрем, потребовал пересмотра всех процессов и внесудебных расправ, изменения экономической политики, а главное, удаления советских офицеров во главе марша Рокоссовским из польской республики и сохранения союза с СССР на основе полного равенства.

Это вызвало такую панику в СССР, что Хрущев прервал свой проводимый в Ливадии отпуск и вылетел в Москву, чтобы полететь оттуда самому лично в Польшу для парализации выступления Гомулки. Но теперь уже Хрущеву не доверили такой миссии ни одному, ни в сопровождении Булганина, с которым он раньше ездил по свету. "Коллективное руководство" решило послать с ним его трех соперников: развенчанного и сландного наполовину в архив ярого "сталинича" В. М. Молотова, самого хитрого из старых сталинцев Караганова и наименее "либерального" сталинца Микояна. Интересно отметить, что от поездки устранился или был отстранен не только Булганин, но и руководящий иностранными компартиями М. А. Суслов, который еще недавно успешно устроил своим вмешательством назревавший во французской компартии кризис. Голожение в Польше создалось такое, что можно было опасаться повторения истории с Тито в 1948 году. От русского народа уже оказалось невозможным скрыть всю правду. Поэтому в "Правде" от 21-го октября опубликованы два кратких сообщения одно за другим: первое — о том, что делегация Президиума ЦК КПСС поехала в Варшаву для бесед с политбюро ЦК Польской Объединенной Рабочей Партии (так зовут польскую компартию), причем в беседах участвовал тов. В. Гомулка. "Беседы протекали в атмосфере партийной и дружественной откровенности" (чего уж откровеннее, когда грозили друг другу гражданской войной). Решено, что "в ближайшее время" выедет в Москву польская делегация.

Во втором сообщении говорится, что 20-го октября делегация в составе 4-х членов президиума вернулась в Москву. Русские читатели поняли, что дело идет плохо, раз не выпущено хотя бы самой пустой декларации о взаимном согласии и о принятии хотя бы решения о совместной работе.

Все выступления Гомулки вызвали беший восторг в Польше, ибо он осудил всю экономическую политику последних лет, резко говорил о кровавых ошибках Сталина и заявил о своей солидарности с восставшими в Познани рабочими. Все 94 арестованных и ожидающих суда и 17 уже осужденных выпущены 25 октября на свободу. Только три кнохи, палками забивших на смерть чекиста — сержанта Издейбого, остались отбывать свои 4 года заключения.

Рокоссовский остался строевым начальником, но смешен его заместитель, генерал Витошинский и на его место назначен друг Гомулки Мариан Спихальский, которому поручено политуправление, так что он является политкомиссаром при советском марше, на отзывах которого пока не настаивают, но которому армия уже не повинуется без одобрения его приказов Спихальским. Во всяком случае он не сможет ни одного польского солдата послать против Гомулки в случае разрыва, и ему самому придется искать спасения среди советских полков, на уходе которых из Польши настаивают рабочие, которые в контические линии плечума ЦК с оружием в руках охраняли свои заводы на случай какого-нибудь военного выступления советских гарнизонов; последним теперь велено вернуться со своих пограничных маневров в казармы.

Пока я пишу эти слова, положение стается напряженным. Во Вроцлаве б. Бреславле) только два дня тому назад толпа студентов разгромила здание луба советско-польской дружбы и изорзала в клочья висевшие на разных зданиях города советские знамена. Советские служащие боятся выходить по вечерам из дома; советские войска заперты в своих "военных городках" и манифестируют лозунги: "ска-

ОТ РЕДАКЦИИ

В силу некоторых обстоятельств технического порядка, рассказывать о которых подробно было бы излишним, поставивших нас перед необходимостью нового увеличения расходов по изданию газеты. "НАША СТРАНА" только что пережила один из тяжелых кризисов, с которым мы справились так же успешно, как и со многими другими, неоднократно имевшими место за восьмилетнее существование нашей газеты.

В этот раз единственным выходом из создавшегося положения, ПОЗВОЛЯЮЩИМ СОХРАНИТЬ РАСХОДЫ ПО ИЗДАНИЮ ГАЗЕТЫ в их ПРЕЖНИХ РАЗМЕРАХ, является переход на выпуск газеты в размере ШЕСТИ страниц, применяя более убористый шрифт, что позволяет нам ПОЛНО СТЮ СОХРАНИТЬ то же КОЛИЧЕСТВО печатных знаков в каждом номере, то есть позволяет нам и впредь давать нашим читателям то же количество печатного материала, что и до сих пор. Каждый из наших читателей имеет полную возможность легко убедить в правоте наших слов, подсчитав количество печатных знаков в строке и количество строк в каждом столбце печатного текста в одном из предыдущих номеров нашей газеты и в сегодняшнем.

Таким образом, мы, не нарушая интересов наших читателей, имеем возможность продолжать издание нашей газеты, не увеличивая себестоимости номера, что является непременным условием дальнейшего существования "Нашей Страны", так как бюджет ее не позволяет расходования ни одной лишней копейки.

В НОМЕРЕ:

Алексей Ростов
 НА РОДИНЕ

Н. Потоцкий
 КАЗАЧЕСТВО И МОНАРХИЯ

Михаил Бойков
 ДЕНЬ НЕПРИМИРIMОСТИ
 В БУЭНОС-АИРЕСЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Н. Кусаков
 ДОСТОЕВСКИЙ
 И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Лидия Норд
 СЕНЬКА И ГОРКА
 (Окончание)

LA REBELION EN HUNGRIA

тертью дорога советским гарнизонам", "Рокоссовского в Сибирь!" и т. д.

Теперь в неуспехе переговоров с непокорными поляками можно одинаково упрекать, как ездили в Польшу после Познанского восстания Булганина и маршала Жукова, так и провалившихся теперь с треском Хрущева, Кагановича, Молотова и Микояна, чем несомненно воспользуется Маленков со своими сторонниками М. А. Сусловым, М. Г. Первухиным, М. З. Сабуровым, Л. И. Брежневым на предстоящем ноябрьском пленуме ЦК.

**

Еще хуже пошли у советских холопов дела в Венгрии: там им не помогло смещение Микояном стalinца Ракоши, замененного другим менее скомпрометированным в прошлом сталинцем Гере, ни поездка Гере на совещание Хрущева и Булганина с Тито в Ялте, ни выкалывание из ямы на тюремном дворе расстрелянных Райка и его однодельцев, а затем еще 2 генерал-лейтенантов, 3 генерал-майоров, полковника и подполковника и устройство им пышных "национальных похорон" (сейчас по венгерскому примеру объявлено о "реабилитации" 19 расстрелянных в 1952 году по приказу Сталина польских офицеров, которым обещаны "народные похороны"), ни покаянное паломничество Гере в Белград по Хрущевскому образцу. Народу нужны в Венгрии роспуск колхозов, свобода выборов, отказ от всякого пресмыкания перед кремлевскими сатрапами. Чуть коммунисты ослабили полицейский террор, как в писательском клубе Петифи и на студенческих митингах стали требовать от правительства в первую очередь возвращения к власти б. премьера Имре Наги, снятого с этого поста в апреле 1955 года диктатором Ракоши, по требованию Хрущева, за "титоизм" и проведение маленковской политики, развития легкой промышленности в ущерб тяжелой. Этот венгерский "маленков" стал символом борьбы против курса Хрущева. Испуганное руководство вернуло скорее в партию, а затем в ЦК арестованного в ноябре 1955 года Имре Наги. Но, принимая его программу пересмотра всей экономической политики, разрешения самораспуска колхозов, университетской автономии, разрешения свободных юношеских организаций, пересмотр политических процессов, правительство не могло принять требования о свободе выборов, о разрешении политических партий, о запрете вывоза в СССР урана, недавно найденного в Венгрии. Не помог и арест б. министра обороны и второго секретаря ЦК Михаила Фаркаша и его сына майора гос. безопасности Владимира по обвинению в инсценировке процесса над Райком (Ракоши уже выехал в Москву во избежание ареста).

В столь накаленной обстановке мирная манифестация студентов 23-го октября с пением национального гимна и знаменами старой Венгрии, приветствовавшая польское посольство по поводу возвращения к власти Гомулки, превратилась к вечеру в вооруженное восстание, опыт которого и нам надо изучать, как и нашим братьям на родине, ибо по первому их зову мы должны устремиться к ним на помощь, когда у нас в России создастся подобная обстановка. Группы вооруженных студентов напали на радиостанцию, захватили часть здания но не смогли добраться до зала радиовещания, которое продолжало приветственные передачи под звуки доносившейся до радиослушателей стрельбы. Рабочие ночью овладели заводами и некоторыми казармами, часть войск перешла на их сторону и снабдила их оружием. В этой обстановке беспрерывно заседавший ЦК совместно с советом министров назначили Наги премьером. Он сам по радио обещал ряд реформ и амнистию, если мятежники положат оружие. Узнав о переходе некоторых частей на сторону народа, он "на основе Варшавского пакта о военном союзе" пригласил советские танковые части "сотрудничать" с верной коммунистической полицией и просил население помочь советским союзникам, предлагая в то же время не выходить из домов. По центральным улицам столицы покатили советские танки, стреляя во все стороны, причем повредили между прочим здание британского посольства. Пока у нас только сообщения венгерского правительства радио, по которым знаем, что к вечеру 24-го октября главные центры сопротивления мятежников взяты штурмом советскими танками с разрушением зданий, что 25-го советские танки прекратили улич-

ные операции и вышли из города, который охвачен кольцом советских войск, что сгорел Национальный Музей со всеми картинами, что свалена после многочисленных попыток 8-метровая статуя Сталина, воздвигнутая на месте разрушенного коммунистами Собора Пресвятой Богородицы, что мятежников расстреливают на месте без суда, что население просит помочь машинам Красного Креста увозить раненых и предоставить свою кровь для переливания тяжело раненым. Все эти коммунистические сообщения лживы и противоречивы, как всегда. Каждые два часа радио сообщают, что восстание "в основном" подавлено, предлагая сдаться отдельным "кучкам" еще сопротивляющихся мятежников, затем опять грозят расстрелом на месте сопротивляющихся, затем снова повторяет, что почти все сдались. То просят всех не бастовать, то предлагают не выходить из дома. По еще непроверенным сведениям к восставшим примкнули офицеры и кадеты офицерской школы, взявшим в свои руки военное руководство восстанием: теперь патриоты не идут толпами по улицам, попадая под обстрел танков и пехоты, но, разбившись на мелкие группы, устраивают засады в разных концах столицы, обстреливая из-за угла или из зданий патрули полиции и танки. Еще знаменательнее сообщение, что в отдельных случаях русские танкисты пересели на сторону народа и сражаются против коммунистических угнетателей обоих народов. "Справимся с ними у вас, а потом и у нас в России", — сказал при этом один русский танкист на плохом немецком языке.

Сообщая эти разрозненные и непроверенные сведения, спешу заключить, что:

1. рост антисоветского сопротивления пуского народа, вызвав развенчание Стalinского мифа, при борьбе между его преемниками, ослабил авторитет советской верхушки и страх перед ней не только в России, но еще больше в подвластных ей европейских странах, где даже наличие советских войск не может уже остановить открытых выступлений против тяжелого советского ига в лице местных клервретов Кремля;

2. никакие уступки, ни амнистии, ни реабилитации больше не помогают; наоборот, показывая слабость власти, они вызывают все новые требования всего народа;

3. любой коммунист становится популярным общенародным вождем, если он кажется врагом сталинских последышей и их раболепных сторонников в этой стране;

4. СССР не смеет прямо и открыто подавлять эти движения и вынужден теперь приходить к власти своих выпускников из тюрем врагов, как Гомулка и Спицальский, Наги и Хорват, сменивший непопулярного Гере, как только что сообщило венгерское радио. Этим тщетно пытаются советская клика задержать отпадение сателлитов;

5. в Венгрии враги коммунизма, спеты выступавшие только против Стalinina и его ставленников, уже выступают с оружием в руках против всего коммунистического строя и против союза с СССР независимо от того, как там проявят коммунисты, хотя и развенчавшие Стalinina, но угнетающие не только Россию, но и Венгрию;

6. для сохранения даже смягченного режима антисталинские коммунисты вынуждены просить военной помощи оккупационных войск и идти на разрушение своей столицы огнем советских танков, чего ни им, ни их московским покровителям во век не забудет венгерский народ, видя снова, как в 1944 г. разрушение своей столицы огнем советских танков и советской артиллерии;

7. уличные бои в Будапеште показали, что не только венгерские, но и русские вояки могут обратить оружие против общих угнетателей и тогда наступит час истинной свободы не только для Венгрии, но и для нашей Родины;

8. именно ненацеленность русских войск в качестве полицейских карательей дома и заграницей является истинной причиной показного советского миролюбия!

Несомненным дипломатическим поражением для СССР является декларация СССР и ЯПОНИИ о заключении прелиминарного мира, подписанная в Москве 19-го октября 1956 года Н. А. Булганиным и Д. Т. Шепиловым и от Японии премьером Хато-Яма Ициро, министром Земледелия и Лесоводства Коно Ициро

Н. Потоцкий

КАЗАЧЕСТВО И МОНАРХИЯ

В кубанском казачьем журнале "Казак" (информационный листок Кубанской Канцелярии), в статье Полковника Ф. Головко "К выборам Кубанского Войскового Атамана" содержится изложение "принципиальных положений, вытекающих из многовековой истории Казачества, из пережитого нами всеми личного опыта и из современной обстановки, как на Родине, так и здесь на чужбине" и составляющих, по выражению автора, "символ веры казачьей".

Читая еще в юношестве бессмертное произведение Н. В. Гоголя "Тарас Бульба", мы искренне преклонялись перед славными предками наших нынешних, не менее славных Кубанцев, Запорожцами, первым членом символа веры которых было: "За Русь, за Веру!". А затем, пойдя под высокую руку Царей Московских и Императоров Российской, стали Кубанцы и верными слугами Русского Трона, и, как и для всей Русской армии, частью которой они являлись, и как и для всех честных русских патриотов, весь их политический символ веры ярко, кратко, но исчерпывающе выражался в великом и простом общероссийском лозунге: "За Веру, Царя и Отечество".

Не этот ли многовековый и священный лозунг советует исповедывать Атаману Кубанского Казачьего Войска Полковнику Головко, как "символ веры казачьей"? Или хотя бы нечто к нему близкое с учетом "нашего личного опыта и современной обстановки"? Увы, отнюдь нет! Весь символ веры Полковника Головко (я твердо уверен, все же, что этот символ не является таким для всех кубанских казаков, знающих свою историю и кое-что видевших и у себя на родине, например, в 1917 году, и здесь заграницей и кое-чему в политическом отношении научившихся) укладывается всего в два члена: Казачья Вольность, или, по современному, Казачье народоправство и — позиция непредрешенчества в Русском вопросе, причем другой позиции у казаков, по авторитетному заявлению этого кубанского идеолога, "и быть не может".

И дальше Полк. Головко пишет: "Атаки на Казачье НАРОДОПРАВСТВО велись, ведутся и будут вестись и если не прямо в лоб, то с обходным маневром. Нам уже теперь говорят:

и депутатом Мацумото Сюници. По обраzu соглашения с Аденауэром договор оставляет открытыми все территориальные претензии Японии о возвращении Курильских островов и Южного Сахалина, но СССР уже сейчас пошел на три уступки: 1) обязался поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций; 2) отказался от всех своих reparационных требований; 3) обязался немедленно вернуть всех, так называемых, военных преступников. Кроме того, заранее согласился вернуть Японии острова Хабоман и Сикотан после подписания окончательного мирного договора. Значение этих уступок тем важнее, что до сих пор СССР не соглашался на уступку хотя бы метра своих завоеваний и еще теперь настаивает на дальнейшем содер жании в тюрьме Шпандау душевнобольного Рудольфа Гесса, Шпеера, графа Шверина и Бальдура фон Шираха, но в тоже время освобождает японцев, которые осуждены за еще более фантастические злодеяния: заражение чумой советских граждан. В Кремле большое впечатление произвел полупарализованный Хатояма, державшийся с достоинством Аденауэра, которого советчики обычно не наблюдают у не в меру искательных и слащаво любезных западных политиков.

**
15-го октября в Москве умер на 58-м году своей мерзкой жизни растлитель совести многих наших пастырей, председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Иван Васильевич Полянский. Уже 19-ти лет он, в мае 1918 года, вступает в партию, партизанит, затем комиссарят в армии, отличается как чекист при попадании Кронштадтского мятежа в 1921 г. и с тех пор работает в ЧК-ОГПУ-НКВД 23 года следователем по церковным делам. Подводя под расстрел лучших пастырей, он на допросах изучал годами

"Казаки! Если хотите сохранить ваши вольности и привилегии, становитесь в ряды монархистов, только Самодержавный Государь их Вам обеспечит"...

"Такая постановка вопроса для казачества весьма порочна и вот почему: во-первых, Казачество свою Вольность получило не на золотом блюде из рук Российских Венценосцев, а завоевало острой шашкой на службе Российского Государства. Из рук Царей и Императоров оно получило не привилегии и подарки, а признание своих великих заслуг перед Россиеи".

"Во-вторых, Казачество не ТОРГОВЫЙ ДОМ, чтобы заключать выгодные для себя сделки за счет других народностей России. А если они пожелают народовластия для себя, что же тогда? Прикажете стрелять в них?"

"В-третьих, Казачество никогда не было на службе у какой бы то ни было политической партии, а было на службе Государства и впредь оно готово служить России, форма Правления которой будет установлена Волей всего Народа".

Этими немногими словами и ограничивается в сущности вся политическая идеология Полковника Головко. Над нею следует задуматься серьезно и основательно, ибо из нее скрывается тот путь, на который кубанские политические идеологии типа Полковника Головко стремятся толкнуть и нового Кубанского Войскового Атамана, который должен исповедывать именно их символ веры, — и все зарубежное Кубанское Казачество. Что же это за путь?

Прежде всего необходимо сделать маленькую экскурсию в область истории Кубанского Казачьего Войска, а для этого возьмем хотя бы учебник Русской Истории Платонова и дополним его данными, которые приводит сам нынешний Кубанский Атаман Генерал Науменко в том же номере "Казака". На основании этих данных мы устанавливаем следующее:

Зародышем Кубанского Казачьего Войска была Запорожская Сечь. После присоединения к России Крыма и Новороссии "предстояло — пишет акад. Платонов — укрепить приобретенные области городами, замирить и заселить их. В этих видах, тотчас же после окончания войны с Турками, Императрица Екатерина нашла необходимым уничтожить

слабости более малодушных, тщеславных, корыстолюбивых духовных лиц и потому с поста руководящего чекиста в освобожденном от осады Ленинграде его в июне 1944 года назначают председателем Совета по делам религиозных культов и 12 лет он проводит отвратительную политику использования духовенства всех религий для целей их компрометации и торжества богоchorской власти. Со своим гнусным помощником, председателем такого же Совета по делам Православной Церкви Гр. Гр. Карповым, он выдвигает своих любимцев Николая Крутицкого, Бориса Вика (ныне экзарха Американского), умершего недавно Никона Одесского (Петина — о нем см. "Нашу Страну" № 351 от 11-го октября с. г.), протопресвитера Михаила Зернова и других митрополитов выполнителей западных ЦК КПСС на родине и при заграничных поездках. Некролог подчеркивает его преданность делу партии, поставившей себе целью уни чтожение всякой религии и тем снимает лживую завесу обмана с мифа о покровительстве власти духовенству. Не говорится в некрологе о том, что его диктатура пошла на благо Церкви; на такую ложь даже "Правда" не решилась пойти. Интересно отметить, что его похоронили без всяких почестей на коммунистической площадке Новодевичьего кладбища в Москве, чтобы тем самым подчеркнуть, насколько ничтожны в глазах партии те ее же члены, которым поручено иметь дело с Церковью. Посмотрим: как патриархат будет реагировать на смерть своего безбожного хозяина. Но патриархат — орудие партии, которая сейчас уже не чувствует себя так прочно у власти. Будущее же принадлежит нашей подпольной Церкви, которая для нашего народа столп и утверждение Истины Вечной!

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

25 октября 1956 г.

жить Запорожскую Сечь. Сечь была оплотом бродячего казачества и прежде имела некоторое значение в деле защиты южно-русских поселений от татар. Теперь, когда государство довело свои границы до Черного моря и усмирило татар, это значение Сечи упразднилось само собою. Осталась только не терпимая для госуд. власти роль Сечи, как такого притона, откуда выходили в Польшу гайдамаки. Вот почему русские войска заняли Сечь и разогнали запорожцев (1775 г.). Часть их перешла за Дунай в Турцию, да часть — на Кубань.

После ликвидации Сечи наиболее мудрые и дальновидные из ее Старшин (А. Головатый и С. Белый) поняли, что возрождение их казачьего войска возможно лишь под эгидой Великодержавной России, и, заручившись поддержкой Потемкина, воспользовались посещением Императрицей Новороссии и поднесли ей адрес, в котором выражали желание казаков служить России. Екатерина согласилась, в результате чего 22-го Января 1788 года было создано так называемое Войско Верных Казаков, получившее позднее наименование Черноморского. Эти Верные Казаки были поселены, по указаниям Потемкина, на Кубани. Желая закрепить за собою эти земли, казаки отправились в Петербург делегацию во главе с Головатым, которая, после предпринятых ёх хлопот, была приглашена во дворец и получила из рук Императрицы жалованную грамоту о земле на Кубани от 30-го июня 1792 года. Родившееся таким образом Кубанское Казачье Войско получило право иметь свое собственное Войсковое Правительство, свою Войсковую Раду и своего Кошевого Атамана, избираемого поначалу Радой, а, начиная с Павла Первого, назначаемого Императорами и переименованного в Войскового.

Исходя из вышеприведенного, мы, вопреки утверждениям Полковника Головко, принуждены констатировать тот факт, что и основу своего материального благополучия — обширные черноземные кубанские земли, и свои казаки вольности, т. е. свое широчайшее народное самоуправление, Кубанское Казачье Войско, по свидетельству его нынешнего Атамана Генерала Науменко, получило, в виде жалованной грамоты, “из рук Императрицы” и, весьма вероятно, как раз на золотом блонде согласно дворцовому этикету. Причем можно сказать, что эти богатства и эти вольности были пожалованы Кубанцам, так сказать, авансом, ибо только своею последующею доблестной и геройской службой Великой России Кубанское Казачье Войско завоевало свое право на них своей острой шашкой, превратившись в то же время в ценнейший социальный слой дроволюционной России, настолько прославившийся своей верностью Российскому Престолу, что из его лучших сынов был сформирован Личный Конвой Императоров Российских. И таким образом к двум первым членам символа веры казачьей — “За Русь, за Веру!” — прибавился третий, столь же мощный духовно и к которому Кубанцы служили до самой революции верой и правдой: “За Царя!”

Совершенно непонятно, почему Полк. Головко видит в утверждении зарубежных монархистов — и не только И. Л. Солоневича и нашего Народно-Монархического Движения, но и многих казаков всех Войск, — что только Самодержавный Русский Царь признает и гарантирует прошлые вольности казачьи и прошлые права Казачества на свое имущественное достояние, какие-то “атаки” против казачьего народоправства, а наш призыв к казакам влияться в ряды монархистов рассматривает, как желание заключить с Казачеством какую-то сделку: станете, дескать, открыто монархистами, получите от Царя ваши вольности и земли, а нет — нет! На эти соображения Полк. Головко мы зададим ему только один вопрос: какая новая власть в возрожденной России, кроме Самодержавной Монархии, может, по мнению Полковника Головко, вернуть Казачество к его дроволюционному социальному и экономическому положению? Сделает ли это какая-нибудь “демократическая” республика во главе с каким-нибудь Абрамовичем, для которого на всех дроволюционных социальных порядках поставлен крест, и в понятии которого Казачество, только потому пользовалось своим привилегиями, что играло роль “опричников” и “нагаечников” на служ-

бе у “кровавых деспотов-царей”? Или, может быть, он, Полк. Головко, полагает, что права и вольности Казачества будут признаны товарищами-солидаристами, если они захватят в России нахрапом власть, на которую они с таким аппетитом нацеливаются? Пусть прочтет их социальную и земельную программу и тогда он увидит, что и на этот, с позволения сказать, образ правления Казачеству, в отношении восстановления дроволюционных основ его социального и хозяйственного благосостояния, надеяться не приходится. И потому мы призываем Полк. Головко и его единомышленников понять, что мы отнюдь не зываем казаков в наши ряды путем некоторого политического шантажа и отнюдь не приглашаем их заключать с Российской Монархией какие-то сомнительные сделки, которых никогда и ни с кем Монархия не заключала, — а мы просто констатируем тот факт, что только Самодержавная Российская Монархия, основывающаяся на духовных и государственных традициях нашего исторического прошлого, а не на программных шпаргалках абрамовичей, поремских и климовых, может признать за Казачеством право на восстановление его прошлых прав и привилегий, как одной из частей этих традиций и, конечно, в той мере, поскольку это восстановление не будет противоречить общечеловеческим интересам. И почему Полковник Головко думает, что это казачье “народоправство” может осуществиться только “за счет других народностей России”? Не даровала ли Российская Монархия в прошлом и не дарует ли она в будущем широчайшее народное самоуправление всем этим народностям? Не давала ли она в прошлом и не даст ли она в будущем право всякому честному труженику превратится в такого же маленького помещика, какими были многие из кубанских казаков, не отнимая у них для этого ни пяди их собственной земли? Не настолько ли богата наша Матушка-Русь, чтобы иметь возможность превратить всех своих тружеников-сынов в зажиточных людей без всяких социализаций и функциональных особенностей?

А теперь поговорим о том непредрешенчестве, которое Полковник Головко ставит столь высоко идеологически, что даже возводит его в обязательный член символа веры для своего Войскового Атамана.

Прежде всего, он жестоко ошибается, если предполагает, что мы, монархисты, зовем зарубежное Казачество на службу какой бы то ни было — в данном случае какой-нибудь зарубежной монархической — партии или организации. Мы говорим Казакам ясно и просто: никто из нас не может знать, за какой именно образ правления выскажется Русский народ, если получит возможность сделать это свободно. И в этом смысле, конечно, предрешательного нельзя. Но каждый политический грамотный и любящий свою Родину гражданин, знающий ее историю и дух и идеалы своего народа, обязан — и в том числе обязаны и Полк. Головко и Войск. Старшина Ткачев, и даже сам Войсковой Атаман — иметь твердые политические убеждения, т. е. твердо верить, на основе исторических и психологических фактов, что их Родина может достигнуть максимального, скрежущего и безболезненного расцвета своих духовных сил и материальных ресурсов только при совершенно определенной форме Верховной власти, — а при всех прочих обречена на прозябанье, упадок и даже катастрофы.

Пусть же скажет нам откровенно Полковник Головко, чему его самого в этом отношении учит и общероссийская история, и история его собственного Войска, и знание им казачьего духа? Не всей ли душой служили Кубанцы Императорам Российским, как воплощению Державной моц и величия России? Не от этих ли Императоров получили Кубанцы свою счастливую и богатую жизнь и возможность свободно проявлять мощь и доблесть своего казачьего духа? Не служили ли они верно и недицеприятно Российскому Престолу, как величественному куполу, увенчавшему чудесное здание Великой Российской Империи, одной из самых крепких основ которого были именно они, Кубанцы? И при какой же другой власти они смогут воскресить это свое духовное и материальное благополучие?

И пусть ответит нам непредрешенец Полковник Головко на следующий вопрос: ведь в тот момент, когда на Соборе или Учредительном собрании Русский народ будет выбирать себе ту или иную Верховную власть, в число его членов может попасть и сам Полковник Головко и в этот судьбоносный для нашей Родины и его Войска час ему придется открыто голосовать либо за Монархию, либо за Республику. За кого и за что будет в этот момент голосовать Полк. Головко? Какую общероссийскую власть считает он нужной для будущего счастья возрожденной России и его Кубани? А если он уже сейчас знает, за что он подаст свой голос, то почему же уже сейчас не только иметь гражданское мужество высказать свои политические убеждения, принадлежность всякого культурного гражданина, открыто, но и призвать к тому же и всех своих братьев-казаков. И сказать им от всего сердца: Да здравствуют станичники! Прав наш доблестный соратник Войсковой Старшины В. М. Маркевич, когда поздравляя Кубанцев Лондонской Станицы Имени Цесаревича Алексея с Войсковым Праздником, написал им: “Помните, что только Монархический строй Освобожденной России вернет Казачеству его заслуженные кровью и подвигами отцов и дедов земли и привилегии. Вне этого строя — Казачеству не быть!”

Неужели Полк. Головко этого не знает? А если знает, то как же он берет на себя моральную смелость диктовать своему Войсковому Атаману, что тот должен занять позицию духовно и политически убогого непредрешенчества и стать под то белое знамя, на котором, по словам великого Казака и патриота Генерала Краснова, ничего не написано и под которым ходят только сдаваться? И не остался ли бы он венрен многовековым традициям и духу славного Кубанского Войска, если бы, напротив, сказал бы во всеуслышание всем Кубанцам и их Атаману: Братья-Казаки! Служили мы верой и правдой Царям-Отцам нашим Российской — должны им служить и в будущем! И не только в будущем, но и в настоящем! С нами делит где изгнания Законный Наследник Российского Престола! Не должны ли мы поддержать Его Государево Дело, Дело борьбы за то, чтобы в освобожденной Руси восторжествовал снова великий лозунг “За Веру, Царя и Отечество”? Не правильно ли поступит наш Атаман, присягавший в свое время Российскому Венценосцу, если от нашего казачьего имени скажет Великому Князю ВЛАДИМИРУ КИРИЛОВИЧУ: “Ваше Императорское Высочество! Кубанцы поступают в Ваше безоговорочное распоряжение и подчинение. И пусть души наших славных предков, верно служивших Вашим Предкам, порадуются нашей верности заветам их славной службы Царю и Родине! Когда придет светлый час нашего возвращения на родную землю, мы придем туда с тем, чтобы сказать всем нашим братьям, русским людям: Спасение России только в монархии! Только Царь Православный и Самодержавный даст нам право и возможность быть такими же полновластными хозяевами на нашей земле и в нашем доме, каким и Он будет на всей Земле Российской!

И вот именно для того зовут российские зарубежные монархисты Казаков в свои ряды: чтобы уже теперь превращать себя в политически сознательных российских граждан, знающих твердо, какой именно порядок и какая именно Верховная власть могут дать счастье и благосостояние нашей освобожденной Родине; чтобы дружно помогая друг другу в выработке твердых политических убеждений, — а это возможно только при наложенной работе монархических организаций — сдаться пламенными проповедниками Идеи Народной Монархии и того настяющего — а не жалкого непредрешенческого — символа казачьей веры, исповедуя который Казак осознает себя верным и деятельным слугой своего Государя и Его опорой в Его великом деле возвращения нашей Отчизны — и ее доблестного Казачества — на их традиционные и славные пути, с которых их сбили преступники и авантюристы, позорной памяти творцы дезорного Февраля, изменники присяге и предатели великих традиций великого народа.

Вот настоящий путь для доблестного Казачества! Вот какой строй нужен

Политическая Хроника

ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ — ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

Нам пишут из Вашингтона:

Государственный Департамент и большинство дипломатических представителей стран западного мира, в знак протеста против действий советского правительства в Венгрии, не приняли приглашения советского посольства в Вашингтоне на прием по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции.

Нам пишут из Лондона:

В день 39-й годовщины Октябрьской революции по всем странам Западной Европы — от Исландии до Мадрида прокатилась волна протеста против подавления свободы венгерского народа. Наряду с народными массами протест своей выразили и представители власти, отказавшись присутствовать на приемах, устроенных в этот день советскими посольствами в разных странах.

В Париже демонстрации против коммунистической партии завершились двумя пожарами — было подожжено здание французской компартии и здание редакции и типографии коммунистической газеты “Юманите”.

Демонстрации протеста продолжают ся во многих странах, в том числе и в Аргентине, где, начавшись 7-го ноября, они с возрастающей силой проходят ежедневно.

РЕПАТРИАЦИЯ А. Л. КАЗЕМ-БЕКА

Нам пишут из Женевы:

Проживавший здесь в последнее время бывший “глава” Союза Младороссов А. Л. Казем-Бек выехал из Швейцарии в СССР. Эта поездка является, повидимому, окончательным разрывом Казем-Бека с эмиграцией и его репатриацией в Советский Союз.

После войны Казем-Бек проживал в Соединенных Штатах и одновременно преподавал русский язык в Ельском университете, писал в некоторых американских журналах и в просоветской газете “Новая Заря”, выходившей в Сан-Франциско. В этот период своей жизни он не скрывал своих просоветских взглядов и, в частности, находился в постоянных сношениях с Москвойской Патриархией и с ее представителями в Америке.

В прошлом году Казем-Бек был коммандирован одним из многочисленных исследовательских учреждений, существующих в Соединенных Штатах, в “научную командировку” в Индию.

Из этой поездки он в Америку не вернулся, а поехал в Женеву, где прожил не сколько месяцев под протлогом болезни и лечения. Из Женевы он выехал в СССР.

Его отец, д-р Л. Казем-Бек, проживавший до и во время последней войны во Франции, примкнул после войны к советским патриотам, принял в 1946 году советское гражданство и тоже выехал с семьей из Франции в СССР.

ДЕЛО И. ДИМИТРОВСКОГО

Нам пишут из Вены:

Австрийская полиция сделала безуспешную попытку арестовать некоего Ивана Димитровского, именующего себя русским эмигрантом. Димитровский, который родился в 1930 году в Югославии, в русской эмиграции семье, обвиняется в принадлежности к уголовной банде, совершившей несколько преступлений в лагере Парш (Зальцбург).

Узнав о намерении австрийских властей, Димитровский скрылся из Зальцбурга и, по сведениям австрийской прессы, выехал из Австрии в Соединенные Штаты.

свободной России! И тысячу раз превозгласивший это, доблестный Войск. Старшина В. Маркевич.

ВНЕ МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ — КАЗАЧЕСТВУ НЕ БЫТЬ! Н. Потоцкий

Н. КУСАКОВ

Достоевский и Русская Культура

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Где стол был яств,
Там гроб стоит...
(Державин. «На смерть кн. Мещерского»)

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде град являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва. Сколь русскому твой зрак унылый стра-
шен...
(Пушкин. «Воспоминания о Царском Селе»)

Горе миру от соблазнов (Мф. ХУIII, 7).

Под влиянием словопотока, исходившего с Запада от людей, чуждых русской культуре, основной критерий, дающий импульс воле человека и направление его действию, выпал из внимания ведущей части русского общества. Церковь была отверта от жизни. Православный религиозный элемент перестал быть сутью, но превратился в благовидный прилаток, а сама Церковь — в декорацию русского быта, якобы лишенную всякого практического значения. В ведущем слое российского общества... Закон Христов был подвергнут пересмотру. Вторая заповедь Закона заслонила, отодвинула на задний план, а потом и списала, как неважную, Первую Заповедь Закона Христова. Все было занято любовью к ближнему, к страдающему брату, а об уважении к отцу земному, не говоря уже о памяти об Отце Небесном, забыли крепко и основательно.

К концу прошлого века тенденции такого мышления настолько были разлиты по России, что не чужды были ей даже и церковно-мыслящие люди. Об этом можно судить по письмам Епископа Феофана Затворника, который был вынужден одному из своих корреспондентов писать так: «Вы пишете — Бог создал человека для общества. Поправьте эту мысль: — человек создан для общения с Богом». И заканчивая, Еп. Феофан высказывает мысль чрезвычайно многозначительную. Он пишет: «Беда обществу, в коем общественность поставляется целью. Тогда передвигается центр и начинается смятение и неурядица». (Письмо IX-ое по сборнику «Письма о христианской жизни», изд. Шанхай, 1948 г.).

Веяние духа общественности к концу XIX-го века в России было настолько сильно, что под его знаком стояло мышление лучших людей страны. Даже и они видели «смысл жизни и призвание человека в том, чтобы жить для блага ближнего». (См. М. П. Бок «Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине», Изд. им. Чехова, 1953 г.). Но что же худшие?..

Вынь душу из тела
И тело умрет
И начнет разлагаться...

Смысл жизни переместился по сравнению с тем, как он понимался в духе русской культуры. Произошло отречение от нее. Произошло богоотступничество. Так в Россию пришел соблазн революции, а забвение страха греха проложило этому соблазну свободную дорогу. Не напрасно св. Апостол Павел поучает, что, когда люди не заботятся иметь Бога в разуме, то «предает их Бог превратному уму — делать непотребства» (Рим. I, 28).

Во всех случаях жизни умудренное тысячелетним опытом русское Самодержавие законодательствовало не только по мере надобности законов, но всегда применительно к степени возможности исполнения полезных законов. (См. XII-ая беседа св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, пар. 2-ой). Это вызывало неноторую медлительность, а люди, зараженные непомерным, страстным импульсом любви, воспринимали это за неспособность, за нежелание. Не сразу, но обреченно возникали те самые «компетентные обстоятельства», при которых завистники компетентным языком объясняли русскому народу, что «с иной спины кожу содрать, пожалуй, даже и полезно». В конце концов Россия упала в руки людей, о которых остается словами пророка Исаии воскликнуть: «Беда мне, беда мне. Увы мне! Злодеи злодействуют, и злодеи злодействуют злодейски» (Ис. XXIУ, 16). Бесы!

Забвение Православия повело к падению Самодержавия, охранявшего свободу народа, и на смену свободе пришло рабство. Россия, поруганная наименованием «СССР», из любящей матери для всего народа преврати-

лась в злобную мачеху. Все это повело к извращению русской народности. Русский человек, в той степени, поскольку он подчинился закону коммунизма, явился в страшном образе богопоносца.

ОТ НАСТОЯЩЕГО К БУДУЩЕМУ

Идеалы России, ее сознание, заменены другими, запрещены, а исповедание их, верность им — ведут к мученической смерти. Внешние символы России устраниены, и тот, кто их чтит, подвергается смерти. Самое имя России стерто с карты мира, а родная наша земля и русский народ превращены в рабочий скот для осуществления мировой революции. Усвоив, преподанную компетентным языком культуру закона так называемого философа Карла Маркса, русский народ стал сдирать кожу сам с себя и друг с друга, а под кнутом своего погонщика собирается содрать кожу также и с Западного мира, сегодня еще свободного. Бесы!..

Бес русской революции еще сидит за железной завесой, терзая русский народ, а с ним и другие, павшие жертвой непонимания миром русского вопроса. Но... как ни крепка банка, бес из нее выйти может!

До тех пор, пока он жив, нет гарантии, что он не сорвет крышку банки и не пойдет на волю терзать весь мир, ибо — как ни сильны руки, держащие крышку, они не всесильны. Тогда — горе миру!

Западный христианский мир не проявил склонности взять сторону угнетенного. Скорбям, которые сопутствуют стоянию за правду (Мф. У, 10 и 11), он предпочел временные блага торговых доходов и, вопреки собственным интересам, не сделал ничего, чтобы помочь русскому народу освободиться от коммунистического ига. Все попытки русского народа свергнуть власть безбожных захлебнулись в народной крови. Стоит ли говорить о помощи, оказанной Западом правительству Ленина, Троцкого и Сталина?.. Это факт общеизвестный.

Кровь русских мучеников вопиет к Небу и взывает об отмщении. За сорок лет торговли с людоедами накопилось много тяжелых счетов совести. Они подлежат оплате. Не пришло ли время расплатиться по этим счетам совести, как бы велик ни был их страшный итог, прежде чем судебный исполнитель Суда Божьего не предъявит их к оплате, заставив дрогнуть руку, держащую железную крышку банки.

Страшен бес русской революции, ибо русскому народу компетентным языком объяснено, что «с иной спины кожу содрать, пожалуй, даже и полезно». Революционные тати пришли и крадут и убивают и губят...

Не понимая России, Западный мир видит ее лишь, как форму и безразличен к ее существу. Они примирились с фактом существования на нашей родине заговора по устройству мировой революции. Но мы, наследники и провозвестники исконной русской культуры, с властью татей никогда не примиримся, и, побуждаемые долгом, говорим миру о грозящей ему опасности.

Неописуемые чувства овладевают нами, когда мы видим, как представители достойных глубокого уважения свободных стран пожимают кровавые руки богоборцев: то шпиона Ленина, то садиста Сталина, то просто пьяницам, выплывшим на поверхность революционного болота за свою верность тирану и садисту. Но Запад продолжает искать путей мирного со-существования. И это — тоже есть помощь безбожникам, есть дело, направленное против русского народа.

Временами Запад радуется случайным успехам со-существования, но проходят месяцы, и успех дела мира во всем мире выражается в новых победах российских захребетников, в новых победах на путях всемирной революции. И сбываются слова пророка Иеремии: «Они говорят — мир, мир! — А мира нет» (Иер. VI, 14).

И не будет! Не будет мира до тех пор, пока не восстановится Россия, пока не будут низвергнуты скверные символы интернационального коммунистического садизма — серп и молот и красная пятиконечная звезда. Не будет мира, пока не взовьется над нашей родиной символ России православной — Двуглавый Орел, осененный святым крестом; пока не заполошет над городами и весями нашей родины трехцветное знамя, пока не утвердится на нашей земле великая славная культура — культура Закона Христова. Помните: судьба России неотделима от судьбы Русской Церкви. А от судьбы России зависит судьба всего мира.

Провозглашать это мы призваны нашей совестью, как сыны России, и эту обязанность мы будем исполнять, пользуясь всеми возможностями. Если мы умолкнем, камни возопят.

Мы — Русские. Мы — народ богоносец.

СИЕ БУДИ, БУДИ!

Годы, проведенные в Аргентине, слили нас со страною, нас приютившей. Мы находим здесь не только при-

ют в наших скитаниях, не только политическое убежище. Для многих из нас Аргентина стала второй родиной. Но ничто не способно утешить нас в скорби, и судьба России всегда будет заставлять наше сердце гореть ярким пламенем любви к ней.

Здесь мы собрались почтить память русского гения Достоевского и русскую тысячелетнюю культуру. Причастность к этой культуре есть честь, но более того — есть обязанность. Величие воспринятой чести подвергает нас опасности двойного наказания, ибо — кому много дано, с того много и спросится.

Родится русским слишком мало.

Им надо быть, им надо стать. (М. Волошин)

Вспомним, как св. Иоанн Златоуст сказал о сыновьях Иосифа Обручника, что семейная их близость ко Христу не была достаточна для спасения. Если от них требовался подвиг, то во сколько крат больший требуется от нас. Сыновство России обязывает к подвигу. Мир ждет плодов нашего покаяния.

Богоносцем именуют сегодня русский народ. И к нам это тоже относится. Честь России — наша честь. Грех России — наш грех. В смиренном сознании своего недостоинства, в христианском принятии нашего поражения, в покаянном принятии громов, разверзшихся над нашей родиной за ее великий грех богоотступничества, мы, пользуясь господствующей здесь свободой, заявляем то, чего не может высказать русский народ богоносец, лишенный свободы на родной земле, но готовый при первой возможности подняться против своих поработителей и покончить с ними. Тот народ, который вот уже тридцать девять лет оставлен миром на произвол судьбы, на произвол палачей.

Холоден Запад. Высокомерно смотрит он на Восток, и до сих пор живы клеветники России, к которым еще Пушкин обращался со справедливым укором:

«И ненавидите вы нас...

«За что ж?..»

Попрежнему шумят народные витии. Попрежнему анафемой грозят они России. Замалчивая все героические акты борьбы русского народа за освобождение от власти дьявольских когтей коммунизма, пренебрегая жертвами этой титанической борьбы, Запад «со-существует» с коммунистической кликой. Удивительно ли, что и видит он лишь русских богопоносцев, обласканных коммунистической кремлевской кучкой, да карательные отряды спущенных с цепи церберов коммунистического произвола, церберов, упоенных кровью русского и других народов, церберов, знающих только одну заповедь: «Убей!»

Напрасно нам обращаться к Западу, призыва его оказать поддержку освободительным силам богоносной России. Тридцать девять лет мы им говорим об этой помощи, и это в их же интересах. О, если бы хоть на сороковом одумались! Едва ли... Космический вихрь треплет листы книги истории. Человеческая рука не в силах ни остановить, ни направить его по желаемому руслу. Покорно склоняют мы обнаженную голову перед потоком, излившихся из фиала гнева Божия на мир, заставивший Бога.

Мы обращаемся к русскому народу. К русскому сердцу.

Мы обращаемся ко всем русским людям рассеянным с призывом — делом и словом соединиться в благодатном свете Закона Христова, ибо без этого не может быть ни освобождения, ни восстановления России. Если мы не в состоянии сделать что бы то ни было практического для освобождения родины от коммунистической диктатуры, то выполним наш долг перед родиной тем, что словом и делом сохраним исконные движущие силы Русской культуры. Вникнем в философию богопросвещенных православных мыслителей. Воспримем судьбы нашей родины в свете христианской мысли и этой мыслью осветим будущее России. В надежде на гибель коммунистической власти, приготовим те краеугольные камни, которые должны быть положены в здание духовного возрождения нашей Родины. Будем помнить, что именно их трепетно ждет от нас Россия, ибо это есть то единственное, чего русский народ без нас сделать не может. Будем помнить, что от этих камней и только от них зависит будущее России, ибо, когда на них воздвигнется ее здание, тогда неумирающий гений русского народа найдет правильное решение тем социальным, экономическим и национальным проблемам, из-за которых в нашей среде столько ненужной розни и даже вражды. Скажем и то, что без камней этого возрождения никому ничего дельного выполнить не удастся.

Коммунизм падет, или же изживет себя. Но что же потом?

Не форма России будущего нам важна, а ее содержание. Важно сознание, которое определит ее бытие и форму, ко благу для себя и для всего мира. Вникнем же

ЛИДИЯ НОРД

(Продолжение)

Сенька и Горка

(Рассказ)

Сенька ложится снова на спину и смотрит в безоблачную небесную даль. Потом веки его опускаются и он мгновенно засыпает.

— Что, уже “поплыл”? — спрашивает с деревя Горка. — Он очень хороший Сенька. Смелый! Только, куда ему воевать — совсем еще шкет...

**

Бурная, холодная ночь. Порывами налетает пронизывающий ветер. По брезенту, покрывающему грузовик, непрерывно барабанит дождь. В такое время невольно думаешь о более надежной крыше, чем этот протекающий во многих местах и готовый сорваться брезент. Ветер же, как будто издеваясь, грозит сорвать и это прикрытие — заносит края его, обдавая меня брызгами воды.

Стараюсь согреться. Прижимаюсь спиной к какому-то мешку. Закуриваю. Но ветер злобно отрывает другой край. Папироса шипя угасает. Пытаюсь зажечь ее снова, но она раскидывается в пальцах. Тогда я поглубже засовываю замерзшие руки в карманы шинели и покоряюсь судьбе.

Теперь брезентовый покров приподнимается сзади. Но не от ветра. Четвероногое существо, забравшись внутрь, тычется мокрым носом мне в лицо.

— Цезарь! — окликаю я, думая, что это мой любимец, санитарная овчарка. Я радуюсь, что смогу уложить собаку рядом, согреться ее теплом.

— Вот хорошо, что я нашел тебя, — раздается в ответ сиплый Сенькин голос.

— Откуда ты?

Ходил к немцам резать их телефонные провода, — цокая зубами сказал мальчик. — Ну и ночка! Сухой косточки нет у меня.

— Сбрасывай ватник, иди сюда — у меня две шинели.

Щелкнул о дно грузовика мокрый ватник. Маленько застывшее тело жметься ко мне.

— Вот ноги совсем зашлились, — бормочет Сенька. Я не вижу его лица, но чувствую, что он плачет.

— Ты что? Босиком?

— А то как же.

Вспоминаю о фланконе с одеколоном. Ощупью нахожу его в сумке. Укутываю мальчика в чью-то шинель, оставшуюся в машине, и что есть силы трущу ноги полой той же шинели. Когда они теплеют, натираю одеколоном, затем укутываю. Сенька запыхтел:

— Чем это ты их? — спрашивает уже повеселевшим голосом. — Тем спиртом, что пить нельзя и что воши не дохнут? Дай-ка и на руки, если не жаль... Хватит! Всего не лей! Ишь ты пахнет... Что цветы...

— Знаешь, — зашептал он мне на ухо, — мы с Горкой в среду в тыл ходили. К немцам. Какие они? Чудные, право! Война, в избах где немцы, окна открыты, стражи нет и они бреются. Оттуда тоже вот так пахло. Сытые они все и чистые. Не ахвицера, а солдаты все. Ей Богу! А ахвицера в другой избе... У нас с Горкой гранаты были. Я хотел в ахвицерское окно метнуть, а Горка меня хватать за руку.

— Куда. Не видишь там тетка с детьми, не немка, а наша!

Идем мы назад, а я ему: “Может зря мы не кинули?” А он аж затрясся! “Мою матерь, — говорит, — немцы убили, она пленных скрыла... так что же я чужую убивать должен... А за что детей?”... И то так... Я свою мамку вчера во сне видел. Говорит она мне: “Не увижу тебя я больше, сынок!” А сама все плачет... К чему это? Может убьют меня?

— Ерунда! Цыганка же сказала, что еще по морю поплыешь.

— И бабку видел тоже. Знаешь, у меня бабка сказочница. Взаправду! К ней писатели ездили, сказки ее записывали. Ну и знала она много. Слушать

в глубину сущности Русской Культуры, в Закон Христов. Восхищением словами Псалмопевца: «Прежде страдания моего я заблуждал, а ныне слово Твое храни» (Пс. 118, 67). Пусть тяжкая наука отступления от русской культуры послужит нам и Родине в назидание и в большей славе в будущем. Пусть из мертвого дома революции Россия восстанет вновь во славе Богу, во благе для русского народа, готовая служить миру, как провозвестник Правды Божией, как Святая Русь, Дом Пресвятой Богородицы.

И сие буди, буди, как любил восклицать Достоевский.

Если же грех мира превзошел меру долготерпения Божия, и мир заслужил тяжкой кары, уже низринувшейся на нашу Родину, то да совершится воля Божия, все-благая и всесовершенная, и да будет Богу нашему слава.

Тяжко быть богоносцем, народом судеб Божиих.

Тяжко, но доблестно.

Тяжко, но бесконечно радостно.

Не нам, Господи. Не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 13).

Н. КУСАКОВ

Буэнос-Айрес, 15/28 июля 1956 г.

не переслушать! Одна лучше другой!!! Ты знаешь, как богатырь Алеша чародея убил? Слушай. У чародея борода была, пятьдесят километров длиной. Верно! Всех он в нее запутывал... Поймается в нее человек и пропадет... Ну, а Алеша взял святой меч и пошел эту бороду рубить. А знаешь сколько меч его весил? Тридцать пудов. А богатырь его нес как перышко! Вот бы нам на немцев теперь таких богатырей! На него танк, а он его пнул ногой, тот и переворотился.

А ты богатырь уже не застала? А бабка их сама видела. И батька мой видел их в ту войну.. У нас говорят, что как колхозы открыли, так богатыри перемерили все — еды для них не хватало. Верно? Богатыри — они по пять гусей сразу ели, да по барану — я в жисть того не съел... А ты царя Лександра Третьего знала? Он тоже богатырь был. Крышу на себе держал. Ей Богу, не вру. Дворец завалился, а он стал, подпер крышу руками и Царицу с Царятами спас и всех людей, что там были. А отец его тоже богатырь был — Владимир. В Киеве памятник ему есть — от него Лександра и народился. Нет, кажись Лександра от царя Петра был, тот тысячу людей с моря спас. Так водяной со зла схватил его за ноги, вниз стал тащить. И хоть все море от того волнами пошло, а потопить царя Петра не смог. А царь подцепил ногой бороду водяного, да как махнет ею — борода наверх, он ее святым мечем и отсек. Водяной его выпустил, только Петр застыдился и помер. И еще бабка говорила, что тот меч святой, теперь где-то зарыт. Как народится новый богатырь — Бог ему то место укажет...

Сон сковывает мои веки, я слушаю еще, но ответить не могу. Сенька слегка толкает меня в бок, потом ласково проводит лапкой по моей щеке и свертывается возле меня котенком...

Утром просыпаюсь от начавшейся канонады. Воют, разрезая воздух, свои и чужие снаряды. Наши рвутся впереди, немецкие — позади. Откладывают брезент уже прогретый поднявшимся солнцем. Утро чудесное. Сенька сладко спит и причмокивает во сне губами. Беру его еще тяжелый от воды ватник и растягиваю его по трошу, почему-то прикрепляющему грузовик к дереву.

Через три дня полковник Гордеев сказал мне, что машина его, пострадавшая от близко упавшей бомбы, исправлена, и я могу поехать с ним в расположенную неподалеку часть, откуда должен вылететь самолет в Ленинград. Я хотела отправить с летчиком материалы в редакцию.

За рулём машины сидел новый шофер. Старый был ранен в руку.

— Умеете хорошо вести машину? — спросил полковник, садясь рядом с ним.

— Не беспокойтесь, товарищ полковник, довезу, как родного отца, — бойко ответил молодой боец.

Но лишь только мы свернули на лесную дорогу, шофер рванул так, что я едва не вылетела из кузова. На той же скорости мы перелетели узкий шаткий мостик, пославший нам в догонку одну из досок, объехали выбоину на пути и, наконец, вынеслись в поле.

«НАША СТРАНА»

орган
монархической
мысли
под редакцией
Вс. Дубровского

В газете
сотрудничают:

А. Александров, Аслан-бек, А. Беденков, М. Бойков, Н. Былов, Инж. Вальдемарс, И. Владимиров, С. Л. Войцеховский, Г. Н. Гулян-Артемовская, Н. Жигулов, А. П. Заустинский, Проф. М. В. Зызыкин, П. П. Крачковский, Н. Кремнев, Н. Кусаков, А. Ламберт, Б. Ликов, И. Марьянов, Г. Месняев, К. Н. Николаев, Лидия Норд, Феоктист Орлов, Ник. Павшин, Н. Потоцкий, Алексей Ростов, Василий Ржевский, Лидия Рындина, Полк. С., Е. Саянова, Г. Сосунов, М. М. Спасский, К. Стоянов, В. К. Федонюк, Евгений Фест, Проф. Б. Н. Ширяев, Р. Чонгар, Н. Удовенко и другие.

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В «Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича» поступили следующие суммы:

от С. И. Т. — 100 песо.

Пожертвования в Фонд Великого Князя принимаются Редакцией «Нашей Страны» и всеми ее представителями на местах.

РОЗЫСК

Я, Александр Евграфович Морозевич, разыскиваю моих однокашников — кадет Ташкентского Корпуса и знакомых Туркестанцев. Мой адрес:

Sarmiento 3034, Olivos (Buenos Aires) Argentina.

Церковный Совет Храма Св. Преп. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер объявляет, что в воскресенье, 18-го ноября, в 4 часа дня, состоится РОЗЫГРЫШ лотереи картин и других предметов, устраиваемой для усиления средств на построение храма. Все сочувствующие этой цели приглашаются к 4 часам дня в парк виллы г-жи А. В. Шварц, рядом со строящимся храмом, угол ул. Фалочо и Либертад — Вижа Бажестер.

— Стой! — крикнул полковник, заметив впереди новый мостик через большой ров. Шофер затормозил.

— Вози так своего отца, — сказал выходя из машины полковник. — Мне еще нужно водить полк в бои. Пойдемте пешком, — обратился он ко мне, — тут недалеко, не более полутора километров. Кстати в машине дальше ехать нельзя, видите, вон кружится немецкий разведчик... Мы можем указать ему, где замаскировался штаб...

Возвращаясь обратно, мы заметили бегущего Горку. Все лицо его и одежда были в крови.

— Ранен? — спросили мы в один голос.

— Только немного царапнуло по голове. А вот Сенька... — Губы Горки задрожали.

— Где он?

— Остался там, в тылу... Дотащили до одних надежных людей. Возле их дома как раз сегодня снаряд упал... Если немцы наскочат, скажут, что это его снарядом...

— Куда его ранили?

— В грудь и ногу. — Горка вдруг прижался к полковнику и совсем по-детски заплакал. — Это ведь он меня спасал... Отвлек немцев на себя... Те подумали, что там не он один, а много и побоялись идти в глубь леса, — вернулись...

Прошло шесть лет. В туберкулезный госпиталь для Ди-Пи привезли женщину. Больная была сравнительно молодая и на вид интеллигентная.

— Это правда, что мои сыновья смогут переехать из нашего лагеря сюда, что тут есть лагерь для семей туберкулезных? — спросила она меня. Я подтвердила.

Через неделю они приехали. Я видела из окна, с какой нежностью она обнимала худенького, высокого юношу. Другой, немного пониже, не дождавшись пока их руки разомкнутся, обнял их обоих.

“Счастливая семья”, — подумала я. — “Хорошо, что у нее не тяжелая форма болезни”.

Когда один из сыновей пришел поговорить с врачом, мы застыли в оцепенении друг перед другом.

— Сенька!!! — Крикнула я на весь госпиталь.

— Сена! Дорогой! Да ты ли это?

— Я! Я!, — говорил он целуя меня то в одну, то в другую щеку. — Вы знаете, мы все время спрашивались о вас. Случайно тут встретили одного из нашей части. Он нам сказал, что вы были убиты еще до того, как он попал в плен.

— Ты нашел себе хорошую мать, Сена, — сказала я, указывая глазами в сад.

— О, да, — живо ответил он. — Она ведь спасла мне жизнь... Потом я не мог уйти, оставил ее одну. Мужа ее убили, а сын эвакуированный с другими детьми, пропал без вести...

— Но теперь она нашла его...

— Да нет. Ведь это Горка! Ну да, наш Горка! Ему не было пятнадцати лет, когда он попал с нашей частью в плен, и немецкий гауптман отпустил его. Тогда Горка пришел к нам узнать, что со мной... И так остался вторым сыном.

ЛИДИЯ НОРД

КОНЕЦ

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 ш. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульден; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венецуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просят вносить не менее чем за . д. с. я. т. номеров вперед.

ПОДПИСКА принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров

Михаил Бойков

День Непримиримости

ТРЕХТЫСЯЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

За несколько дней до этого среди русского населения Буэнос Айреса ядовитыми гадинами поползли провокационные слухи и “товарищеские предупреждения”:

— Хотите туда пойти? Да вы с ума сняли! Знаете, что там будет? Побоище, стрельба, поножовщина, кровопролитие. Коммунисты готовят крупную контрдемонстрацию. Их много, они вооружены, у них бомбы. Не ходите. Не лезьте под пули.

Все это говорилось шепотком, с множественными кивками головы, подмигиванием и жестикуляцией. На городских окраинах некоторым антикоммунистам открыто угрожали:

— Пойдете — потом пожалеете. Мы вас там разогнем, как зайцев. Смешаем с уличной пылью. Морды будем бить.

Но не запугали. На демонстрацию, посвященную Дню непримиримости к коммунизму и проведенную русскими антикоммунистическими организациями Буэнос Айреса в воскресенье 4 ноября, собралось до 3.000 человек. Участвовали в ней не только русские, но также венгры, немцы, сербы, хорваты, словенцы и представители других народов, порабощенных коммунистами.

Демонстрация началась собранием в театральном зале на улице Монтевидео 850. За полчаса до его начала зал и фойе уже были переполнены. Среди присутствующих много лиц не знакомых, не примелькавшихся, много таких, которые своим присутствием обещают собрания, вечера, балы обычно не жалуют.

Два подобных домоседа встретились в проходе между креслами.

— Иван Петрович! И вы тут? Сколько лет не видались.

— Тут, батенька, тут. Не мог не пойти. Выполняю долг, не взирая на ревматизм...

В фойе щебечет стайка очень юной молодежи:

— Собралась в кино пойти, да вот подруга сюда затянула.

— Ну и дура! Такой день, а она — в кино...

Бывший полковник Русской Освободительной Армии А. М. Бочаров, открывая собрание, предоставляет слово председателю Союза Российских Антикоммунистов в Аргентине инженеру Филиппову.

— Наша задача сегодня, — говорит г-н Филиппов, — разъяснить аргентинскому народу опасность сосуществования с коммунизмом, смертельную опасность последнего для всего свободного мира. Коммунисты существуют со своими противниками до тех пор, пока не накопят достаточно сил, а после этого уничтожают миллионы людей, уничтожают целые народы. Коммунисты стараются внушить свободному миру, что наш порабощенный ими народ доволен государственным строем, насилием ему навязанным. Мы должны и можем опровергнуть коммунистическую ложь. Фактов для этого у нас достаточно.

И оратор приводит факты: гражданская война, народные восстания против советской власти, насилиственная коллективизация, искусственно созданный голод, концлагеры, свыше двух миллионов политических эмигрантов, Власовское Движение, провал возвращенной акции генерала Михайлова.

— Обо всем этом, — продолжает он, — мы, вместе с представителями Венгрии, Югославии и других стран, находящихся под игом коммунизма, расскажем аргентинцам своими листовками, плакатами и лозунгами, пройдя демонстрации по некоторым главным улицам города... Мы, русские антикоммунисты, приветствуем германский венгерский народ, борющийся за свободу.

Народу Венгрии слава!

Но не забудем и тех русских солдат, которые в Будапеште, рискуя жизнью и не только своей, переходили на сторону восставших...

Слова оратора покрываются бурными, продолжительными аплодисментами.

На трибуне венгерский священник, отец Эстебан. Он произносит речь и молитву об убиенных коммунистами. Затем выступает его стоя.

Затем выступает представитель югославских антикоммунистов г-н Сима Лаврич. Он говорит о борьбе народов Югославии против нацистического режима Тито, скрывающего под маской национально-демократического коммунизма свое бесчеловечное коммунистическое лицо.

Выступившему вслед за ним г-ну Кацелли, майору венгерской армии, зал устраивает овацию. В середине его речи молодые венгерские антикоммунисты вносят в зал национальный флаг. Русские, аргентинские, югославские и другие знамена на сцене склоняются в знакуважения к народу Венгрии и скорбь о его жертвах.

Венгерского оратора смениет русский. Секретарь Российской колонии в Аргентине Н. М. Седляревич говорит о деятельности русской политической эмиграции за границей и ее роли в мировой борьбе против коммунизма. Представитель Дома русских белых, по томок участника Отечественной войны 1812 года М. Т. Милорадович произносит речь на испанском языке. Он объясняет значение Дня непримиримости, ставшего традиционным в эмиграции и призывают аргентинцев, в значительном количестве присутствующих на собрании, бороться вместе с политическими эмигрантами против коммунистических агрессоров, прикрывающих их существование.

После собрания началась демонстрация. Ее колонны со знаменами и плакатами расступились на несколько кварталов сначала по улице Монтевидео, а затем по улице Лас Эрас. Впереди два знаменосца с флагами: русским трехцветным и аргентинским государственным. За ними несут Андреевский флаг, венгерский, югославский и другие. Проходит колонна русских девушек, одетых в скаутскую форму. А дальше, над головами демонстрантов, плакаты. С их белого фона издаются виден траур черных крупных букв:

“СССР не Россия!”

“Коммунизм — это террор и обман”. “Россия — первая жертва коммунизма”.

“Слава полякам и венграм, борющимся за свободу”.

“Югославия тоже за Железным занавесом”.

“Аргентинцы! Боритесь против коммунистической опасности!”

“Каждый коммунист — предатель своей родины”.

Из колонн демонстрантов беспрерывно раздаются восклицания:

— Свободу России! Свободу Венгрии... Югославии... Польше! Вива Россия! Вива Аргентина!

С тротуаров улиц, с балконов и проезжающих мимо трамваев и автобусов аргентинцы отвечают аплодисментами и выкриками:

— Вива Россия! Свободу России!

Навстречу демонстрации медленно движется автобус, переполненный пассажирами. Подъезжает к ней вплотную. Из его окна высунулась женщина. Простое улыбающееся лицо, кошачий черных волос, платье провинциального фасона и мозолистые аплодирующие руки. На коленях у нее двое детей.

— Свободу России! Свободу! — кричит она.

Ее крик кругло подхватывают пассажиры:

— Свободу, свободу, свободу! Вива Россия!

Демонстранты отвечают им хором:

— Вива Аргентина! Вива аргентинский народ!

В автобус влетает несколько, метко брошенных, антикоммунистических листовок. Их подхватывают, передают другим, читают.

Листовок ко дню непримиримости заготовлено мало — всего лишь 20.000. На большее количество не хватило денег, ведь эмиграция бедна. Поэтому листовки не разбрасывают пачками, как это принято в Буэнос Айресе, а раздают по одной или бросают по нескольку штук в трамваи, автобусы и троллейбусы.

За последней колонной демонстрации едет радио-автомобиль. Из его рупоров беспрерывно раздаются слова обращений, призывов, лозунгов, свидящихся к одному: главному и неотложному:

LA REBELION EN HUNGRIA

La heroica regelión de los húngaros deja en descuberto el mito de la popularidad del comunismo. No es éste esta seudo doctrina carezca de adeptos, sino éste en la práctica fracasa como sistema de gobierno. Basado su poder en la esclavitud, los encadenados deciden, apenas se les presenta una oportunidad propicia, jugar la vida en pos de la libertad.

**

Desde el punto de vista de URSS, el envío de los tanques — cuestión privativa de los dos gobiernos (el de Mészáros y el títere de Budapest, ha declarado Bulganin) — contra la ciudadanía sublevada, se fundamenta en éste URSS no puede admitir su derrota a manos de las masas del pueblo. De ocurrir, éste argumento esgrimirían sus propagandistas para conquistar simpatizante?

Pero el mundo no permanece indiferente ante la tragedia magyar. Argentina, interpretando el pensamiento de gran número de naciones, ha propiciado éste los miembros de la UN rompan relaciones con Mészáros si éste no acata la recomendación de evacuar sus tropas de Hungría y éste el Kremlin teme ser aislado diplomáticamente lo demuestran las palabras de uno de sus voceros al manifestar éste no es del todo improbable éste sean permitidos observadores de la organización internacional en Hungría.

(“CLARIN” — 11.XI.1956)

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NU ESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8406
Correio Central, São Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Rd.
2128 (por Beauchef altura 1706).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Russo), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave,
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. 1
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E.
14th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.,
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 4,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dionne,
Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Silve — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivochieff, “Kamé”
27, rue de Villiers, Neuilly s / Seine,
Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev, Cas. postale 102, San Remo.

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str., Bureau, Brisbane, Q.d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melburne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ты и аргентинцы обсуждают подробности только что закончившейся демонстрации в День непримиримости и многие вопросы, к ней относящиеся.

Можно без преувеличений сказать, что в этот весенний ноябрьский вечер (а ведь сейчас здесь весна) симпатии большинства населения аргентинской столицы были на нашей стороне. А как же наши противники? Как же те, которые уговаривали нас не идти на демонстрацию, пытались запугать, грозили “бить морду”? Они тоже “почтили своим присутствием” наш День непримиримости. Их можно было распознать по угрюмым физиономиям и злобным взглядам, по тому, как они отказывались от предлагаемых им листовок, как отворачивались от обличительных плакатов.

Демонстрация прошла без всяких эксцессов, но эффект дала значительно больший, чем любая уличная схватка с коммунистами. Против демонстрантов не раздалось ни слова протеста, ни одного выкрика или свиста; не было ни одной коммунистической листовки.

Коммунисты смели только в борьбе со слабыми; здесь же они почувствовали силу. Три тысячи эмигрантов на улицах Буэнос Айреса — это, конечно, горсточка, но в тот вечер рядом с нами были сотни тысяч аргентинцев. Поэтому и струсили коммунисты.

Впервые в Аргентине, все русские антикоммунистические организации, отбросив свои политические разногласия, дружно объединились для совместного проведения Дня непримиримости. Впервые они из залов собраний демонстративно вышли на улицы. Это еще раз доказывает, что в главном — в борьбе против коммунизма — наша эмиграция единица.

Михаил Бойков